

**КОНЦЕПЦИЯ «НОВОГО СЛОВА»
В «РУССКИХ НОЧАХ» В.Ф. ОДОЕВСКОГО
И В «ПРЕСТУПЛЕНИИ И НАКАЗАНИИ»
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

К.А. БАРШТ

Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Аннотация: В статье выдвигается гипотеза о том, что тема беседы Родиона Раскольникова и Порфирия в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» о «двух разрядах» людей, один из которых имеет возможность и право сказать свое «новое слово», имеет аллюзивный адрес в «Русских ночах» В.Ф. Одоевского. В статье также акцентируется внимание на звучащей в «Преступлении и наказании» мысли о гениях, которые необычностью своего поведения вызывают отношение к себе как к «сумасшедшим», являющейся реминисценцией из того же произведения Одоевского. В статье указано на существенную роль, которую играла идеология «Русских ночей» Одоевского в формировании литературного дебюта Достоевского.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский, В.Ф. Одоевский, сознание как болезнь, безумие и гениальность, аллюзия, реминисценция.

Сильное влияние В.Ф. Одоевского на творчество молодого Ф.М. Достоевского не вызывает никаких сомнений. В этом смысле характерно, что именем автора «Русских ночей» было освящено самое начало творческого пути писателя. 16 августа 1839 года, в период обучения в Главном инженерном училище, восемнадцатилетний Достоевский пишет брату Михаилу Михайловичу о том, что в последнее время много читает, в результате чего его «туманный взор яснее, а вера в жизнь получает источник более чистый и возвышенный» (28₁, 63)¹. Как он сообщает, в основе этих чтений лежит цель: «учиться, “что значит человек и жизнь”, – в этом довольно успеваю я; учить характеры могу из писателей, с которыми лучшая часть жизни моей протекает свободно и радостно» (28₁, 63). Одним из этих писателей был В.Ф. Одоевский, вложивший столь немало

---

¹ Здесь и далее цитаты из текстов Ф.М. Достоевского даны по изданию: *Достоевский Ф.М.* Полное собрание сочинений в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990, с указанием номера тома и страницы.

в воспитание творческого кредо молодого писателя, а заковыченная фраза, вероятно, указывает на его «Русские ночи», где содержится сформулированная здесь мысль, легшая впоследствии в основание всего творчества Достоевского.

Факты, сопровождающие литературный дебют Достоевского с его романом «Бедные люди», многократно указывают на Одоевского как литературного учителя юного Достоевского: это эпитафия «Бедных людей», множество аллюзий и реминисценций в тексте этого произведения (например, фантастический рассказ Девушкина о доме, где всем его обитателям снятся сапоги (1, 88–89). После выхода в 1847 году отдельного издания дебютного произведения Достоевского, он подарил книгу своему литературному учителю с дарственной надписью: «Его Сиятельству Князю Владимиру Федоровичу Одоевскому в знак глубочайшего уважения от автора» (30₂, 57). Ранее, в конце 1845 года, в письме брату Михаилу он с восторгом пишет: «<...> князь Одоевский просит меня осчастливить его своим посещением», а также, вероятно, выдавая желаемое за действительное, сообщает: «Одоевский пишет отдельную статью о “Бедных людях”» (28₁, 115, 117). Именно к Одоевскому Достоевский обращается с просьбой содействовать в получении права печататься после выхода из Омского острога и окончания солдатчины (1856 г.) (28₁, 199).

Творческое влияние Одоевского на Достоевского достойно большой монографии, здесь мы сосредоточимся на одном конкретном вопросе. Пресловутый «вековечный вопрос», управлявший всеми творческими замыслами и нарративами Достоевского: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» (28₁, 63) – сформировался под прямым влиянием Одоевского. Основным мотивом жизни и деятельности Достоевского и героев-философов его произведений было стремление к постижению тайны бытия, места человека во Вселенной. Вопрос этот не только ярко звучит в «Русских ночах», но еще и поставлен в близкой Достоевскому стилиевой форме. Один из участников философского диспута, Ростислав, спрашивает: «<...> до сих пор мы не спохватились спросить одного: что мы за колесо в этой чудной машине? что нам оставили на долю наши предшественники? словом: что такое мы?»² В свою очередь Фауст рассказывает о своих «двух прия-

² Одоевский В.Ф. Русские ночи // Одоевский В.Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981. С. 38.

телях», которые наткнулись на тот же вопрос; только им показалось, что отвечать: «зачем живем мы? – можно тогда только, когда решим: зачем живут другие?»³ Далее, в подтверждение своей мысли, Фауст достает из старого портфеля листок, на котором было написано следующее: «Не напрасно человек ищет той точки опоры, где могли бы примириться все его желания, где все вопросы, его возмущающие, могли бы найти ответ, все способности получить стройное направление <...> ему нужен свет незаменимый и неугашаемый, живой центр для всех предметов, – словом, ему нужна истина, но истина полная, безусловная»⁴.

С самого начала и на протяжении всего творческого пути нравственная философия Достоевского выстраивалась как продвижение мысли Одоевского об «опоре», снимающей противоречие между вечным и временным в структуре бытия. Перспектива решения этой дилеммы пришла к Достоевскому в конце жизни, когда он познакомился с концепцией неевклидовой геометрии, по-новому объяснявшей физическую картину мира⁵. Однако и до этого фундаментальной идеей философии Достоевского была неразрывность прямой связи между нравственным и онтологическим статусом человека: «По мере того как будете преуспевать в любви, будете убеждаться и в бытии Бога, и в бессмертии души вашей» (14, 52).

Оба писателя, и здесь можно увидеть следы влияния одного на другого, называли высокий уровень развития сознания «болезнью». Этот вопрос в концепциях Достоевского и Одоевского связан с идеей о существовании двух типов людей: 1) сознающих и ответственных за себя и все Мироздание как за свой дом родной в прямом смысле этого слова, тем самым укрепляющих свою онтологическую опору, и 2) живущих бессознательной и безответственной животной жизнью, направленной на удовлетворение физиологических потребностей, и потому теряющих основания для бытия в вечности (в произведениях писателя имеющих весьма несчастливую судьбу, например – Свидригайлов). Этот тип людей назывался у Достоевского по-разному: «обыкновенные» или «непосредственные люди», «золотая середина», «живущие в свое пузо» или люди, «которым жить хорошо», из них состоит корпус второстепенных персо-

³ Там же. С. 40.

⁴ Там же. С. 42.

⁵ См. об этом: *Барит К.А.* «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского: неевклидова геометрия и вопрос о преодолении зла // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 134–144.

нажей в его произведениях. С другой стороны, высокий уровень развития самосознания людей «первого типа» приводит их к опасному положению в неизбежном противостоянии с обществом, так как несомое ими «новое слово» по определению противоречит «старому», принятым законам и условиям жизни. Поэтому фиксирующие этот тип персонажи Достоевского приходят к болезненному состоянию, граничащему с безумием, кончают жизнь самоубийством, а если пытаются адаптироваться к обществу, то испытывают при этом невероятные мучения, связанные с невозможностью примирить должное и реальное существующее в окружающей реальности. Достоевский не раз манифестировал эту концепцию в своем «Дневнике писателя» (22, 92), в письмах (28, 176), а также положил такого рода типологию в основу сюжетной линии романа «Преступление и наказание», а двумя годами ранее детально разработал эту парадигму в «Записках из подполья» (5, 106).

Герой-повествователь этого произведения говорит о том, что «для человеческого обихода слишком было бы достаточно обыкновенного человеческого сознания, то есть в половину, в четверть меньше той порции, которая достается на долю развитого человека нашего несчастного девятнадцатого столетия...» (5, 101). Не испытывая никакого уважения к обывателю, повествователь другого произведения Достоевского, «Зимние заметки о летних впечатлениях», указывает, что в таком случае «вы видите даже и не народ, а потерю сознания, систематическую, покорную, поощряемую» (5, 71). Главный герой «Записок из подполья» «клянется» в том, что «слишком сознавать – это болезнь, настоящая, полная болезнь» (5, 101). Продолжая свою мысль, он настаивает на том, что «не только очень много сознания, но даже и всякое сознание болезнь» (5, 102). Несокрушимым и полным иммунитетом от этой «болезни» обладает «непосредственный человек», которого герой-повествователь «Записок из подполья» не без сарказма считает «настоящим, нормальным человеком, каким хотела его видеть сама нежная мать – природа, любезно зарождающая его на земле. Я такому человеку до крайней желчи завидую. Он глуп, я в этом с вами не спорю, но, может быть, нормальный человек и должен быть глуп, почему вы знаете?» (5, 104)⁶

⁶ В «Русских ночах», вероятно, содержится аллюзия на эту реплику «подпольного»: «Виктор. Нечего церемониться; Шлецер прежде тебя сказал в детской книжке, «что род человеческий еще вообще очень глуп» (*Одоевский В.Ф. Русские ночи. С. 204*).

Согласно логике, развиваемой в «Русских ночах», «нормальному» человеку, пребывающему в счастливом неведении относительно своего места во Вселенной, противопоставит «антитезу» человека, в роли которого можно представить себе «человека усиленно сознающего», который в социальной сфере всегда пасует перед «нормальным», «со всем своим усиленным сознанием»⁷. Если «нормальный человек» чувствует себя уютно в пределах своей социальной ячейки « $2 \times 2 = 4$ », то «все понимающий» терзается невозможностью преодоления «каменных стен» и не примиряется «ни с одной из этих невозможностей»⁸.

Отсюда становится очевидной прямая связь между тем психологическим напряжением, в котором живет данный человек, и уровнем развития его самосознания, доставляющим ему и избыточные тревоги, и величайшее счастье. Подпольный говорит: «Я хоть и доложил вначале, что сознание, по-моему, есть величайшее для человека несчастье, но я знаю, что человек его любит и не променяет ни на какие удовлетворения» (5, 119). Работая над «Преступлением и наказанием», Достоевский записывает:

Православное воззрение, в чем есть православие. Нет счастья в комфорте, покупается счастье страданием. Таков закон нашей планеты, но это непосредственное сознание, чувствуемое житейским процессом, – есть такая великая радость, за которую можно заплатить годами страдания. <...> жизненное знание и сознание <...> приобретается опытом pro и contra, которое нужно перетащить на себе (7, 154–155).

Герой-философ Достоевского, равно как и сам писатель, испытывает постоянные колебания между полным и неполным сознанием, балансируя на грани того, что обычно именуется «сумасшествием». В «Хозяйке» герой отчаянно борется с «роковым фатализмом», пресловутой моделью несвободы по модели « $2 \times 2 = 4$ », мобилизуя все силы своего сознания; при столкновении с ней он чувствует, как «цепенеет» его сознание и «его душит болезнь» (1, 277, 316). С такой же установки начинается первая версия романа «Преступление и наказание»: «Я шел скоро и твердо, хоть чувствовал, что ум мой тускнел и силы оставляли меня. Это я вполне сознавал» (7, 31), тщетны попытки вернуть себе «полное сознание», преодолевая «изломанность» (7, 32), мгновенные потери самосознания и

⁷ Там же. С. 104.

⁸ Там же. С. 106.

его возвращения (7, 36, 38), действовать сознательно, останавливая бессознательные движения души и состояния «бреда» (7, 39–41, 121). Исходя из этого ясно, что высокий уровень сознания Достоевский связывал с высоким уровнем эмоционального напряжения при переживании «вечного вопроса» о смысле бытия. Герой-философ произведения, задуманного в 1866 году, мыслится им как человек, которому свойственны «страстные и бурные порывы. <...> Совершенное сознание и анализ каждого наслаждения, без боязни, что оно оттого ослабеет, потому что основано на потребности самой природы, телосложения». (7, 158). Раскольников, «много сознающий», по словам Свидригайлова (6, 371), постоянно испытывает «нервную дрожь», переходящую в «лихорадочную» (6, 45), временами впадает в многочасовое «беспмятство», «лихорадочное состояние, с бредом и полусознанием» (6, 92), падает в обморок при встрече с матерью (6, 150), отдает себе отчет во всех этих состояниях, причина которых коренится в мучительном переживании насущных философских вопросов (9, 171). В разговоре с Порфирием он подчеркивает: «Страдание и боль всегда обязательны для широкого сознания и глубокого сердца. Истинно великие люди, мне кажется, должны ощущать на свете великую грусть» (6, 203). Повествователь «Преступления и наказания» поясняет: «Он, конечно, не мог, да и не хотел заботиться о своем болезненном состоянии. Но вся эта непрерывная тревога и весь этот ужас душевный не могли пройти без последствий. И если он не лежал еще в настоящей горячке, то, может быть, именно потому, что эта внутренняя, непрерывная тревога еще поддерживала его на ногах и в сознании, но как-то искусственно, до времени» (6, 237). Раскольников говорит:

<...> люди, по закону природы, разделяются вообще на два разряда: на низший (обыкновенных), то есть, так сказать, на материал, служащий единственно для зарождения себе подобных, и собственно на людей, то есть имеющих дар или талант сказать в среде своей новое слово. Подразделения тут, разумеется, бесконечные, но отличительные черты обоих разрядов довольно резкие: первый разряд, то есть материал, говоря вообще, люди по натуре своей консервативные, чинные, живут в послушании и любят быть послушными. По-моему, они и обязаны быть послушными, потому что это их назначение, и тут решительно нет ничего для них унижительно. Второй разряд, все преступают закон, разрушители или склонны к тому, судя по способностям (6, 200).

Одоевский задается тем же вопросом:

Состояние сумасшедшего не имеет ли сходства с состоянием поэта, всякого гения-изобретателя? В самом деле, что замечаем мы в сумасшедших? В них все понятия, все чувства собираются в один фокус; у них частная сила одной какой-нибудь мысли втягивает в себя все сродственное этой мысли из всего мира, получает способность, так сказать, отрывать части от предметов, тесно соединенных между собою для здорового человека, и сосредоточивать их в какой-то символ. Мы говорим – понятия сумасшедших нелепы: но никакой здоровый человек не в состоянии собрать в один пункт столько многообразных идей о предмете. И это явление, нельзя не сознаться, весьма подобно тому мгновению, в которое человек делает какое-либо открытие, потому что для всякого открытия нужно пожертвовать тысячами понятий, общепринятых и кажущихся справедливыми: оттого не было почти ни одной новой мысли, которая бы в минуту своего появления не казалась бреднями; нет ни одного необыкновенного происшествия, которое бы в первый момент не возбуждало сомнения; нет ни одного великого человека, который бы в час зарождения в нем нового открытия, когда еще мысли не развернулись и не оправдались осязаемыми последствиями, не казался сумасшедшим. Разве не почитали сумасшедшим Колумба, когда он говорил о четвертой части света, Гарвея, когда он утверждал обращение крови, Франклина, когда он брался управлять громом и молнией, – Фультона, когда он каплею горячей воды решался противустать грозным силам природы? И, что всего замечательнее, состояние гения в минуты его открытий действительно подобно состоянию сумасшедшего, по крайней мере для окружающих: он также поражен одною своею мыслию, не хочет слышать о другой, везде и во всем ее видит, все на свете готов принести ей в жертву. Мы называем человека сумасшедшим, когда видим, что он находит такие соотношения между предметами, которые нам кажутся невозможными; но всякое изобретение, всякая новая мысль не есть ли усмотрение соотношений между предметами, не замечаемых другими или даже непонятных? Так нет ли нити, проходящей сквозь все действия души человека и соединяющей обыкновенный здравый смысл с расстройством понятий, замечаемым в сумасшедших? На этой лестнице не ближе ли

находится восторженное состояние поэта, изобретателя, не ближе ли к тому, что называют безумием, нежели безумие к обыкновенной животной глупости? То, чему дают имя здравого смысла, не есть ли слово в высшей степени эластическое, которое употребляет и простолюдин против великого человека, ему непонятного, употребляет и гений, чтоб прикрыть свои умствования и не испугать ими простолюдина? Словом, то, что мы часто называем безумием, экстагическим состоянием, бредом, не есть ли иногда высшая степень умственного человеческого инстинкта, степень столь высокая, что она делается совершенно непонятною, неуловимую для обыкновенного наблюдения? Для того, чтоб обнять его, не должно ли находиться на той же степени, точно так же, как для того, чтобы понять человека, не надобно ли быть человеком? Но, говорят, сумасшествие есть болезнь: раздражится нерв, расстроится орган – и душа не действует! Так толкуют медики. «Неужели вы думаете, – спрашивают они, – что душа возвышается, когда действует через болезненный орган; что человек лучше видит, когда его зрение воспалено; что он лучше слышит, когда ухо его поражено страданием?» – Не знаю; но в летописях медицины мы встречаем людей, которых раздраженное состояние зрения или слуха давало возможность видеть там, где другие не видели, видеть в темноте, слышать незаметный, несуществующий для других шорох, угадывать происшествия, отдаленные на неизмеримое пространство⁹.

Из этого становится ясно, что имел в виду автор загадочного эпиграфа к «небольшой тетрадке», которую читают персонажи «Русских ночей» Одоевского: «*Humani generis mater, nutrixque profecto dementia est*» (Безумие, конечно, мать рода человеческого и кормилица – *лат.*)¹⁰. Пытаясь описать этот высший момент самосознания в своих «Психологических заметках», Одоевский называет его умозрительной попыткой соединения «прошедшего и будущего в один момент, который однако же не есть ни прошедшее, ни будущее»: «Из сего открывается необходимость для человека сознавать себя в настоящую минуту, знать свой возраст и положение – и по сему образовать для себя свою науку и свое ис-

⁹ Одоевский В.Ф. Русские ночи. С. 53–54.

¹⁰ Там же. С. 45.

кусство», и это позволит ему определить «звук, который он должен издавать в общей гармонии»¹¹.

Этот вопрос образует существенный компонент сюжета и идеологии «Преступления и наказания», многократно обсуждается в беседах Раскольникова с окружающими его людьми, которые, по его словам, «записывают» его в сумасшедшие (6, 149, 189 и др.). В безумии или, возможно, гениальности подозревают его Заметов (6, 126–128), Соня Мармеладова (6, 246, 317), Разумихин (6, 338), который чувствует, что в данном случае речь идет не столько о душевной болезни, сколько о некоем состоянии, в котором сокрыта «тайна» или «секрет» (6, 339). Начитавшийся естественнонаучных книг Лебезятников, напротив, предлагает «физиологическое» объяснение психическим отклонениям в виде состоявшейся «логической ошибки», вызывая этим саркастическую реплику Раскольникова: «Слишком легко тогда было бы жить» (6, 325). Детально обсуждают вопрос, поставленный Одоевским, Раскольников и Свидригайлов: не является ли безумие условием резкого обострения способности человека к видению окружающей действительности с возможностью воспринимать то, что недоступно здоровому человеку?

Ведь обыкновенно как говорят? – бормотал Свидригайлов <...> «Ты болен, стало быть, то, что тебе представляется, есть один только несуществующий бред». А ведь тут нет строгой логики. Я согласен, что привидения являются только больным; но ведь это только доказывает, что привидения могут являться не иначе как больным, а не то, что их нет, самих по себе. <...> Здоровому человеку, разумеется, их незачем видеть, потому что здоровый человек есть наиболее земной человек, а стало быть, должен жить одною здешнею жизнью, для полноты и для порядка. Ну а чуть заболел, чуть нарушился нормальный земной порядок в организме, тотчас и начинает сказываться возможность другого мира, и чем больше болен, тем и соприкосновений с другим миром больше... (6, 220–221).

Достоевский глубоко усвоил уроки Одоевского в отношении принципиального различия между безумием и глупостью обывателя и святой «глупостью» и «сумасшествием» донкихотствующего философа и

---

¹¹ *Одоевский В.Ф.* Психологические заметки // *Одоевский В.Ф. Сочинения: В 2 т.* Т. 1. С. 271.

поэта; многократно в своих публицистических выступлениях и в художественных произведениях отзываясь на эту мысль Одоевского. В статье «Два лагеря теоретиков» он пишет, объединяя в одно целое две мысли Одоевского:

Образованная ложь всегда выражается в жизни циничнее; тем отвратительней становится она нравственному чувству человека, чем, по-видимому, толще покрыта лаком внешней образованности и прогрессивных понятий. Если бы вы взяли простого балалайщика с рынка и он не стал бы понимать, в чем заключается вся суть очаровательной гармонии Моцарта или Бетховена, стали бы вы на него претендовать? Чтоб понимать высшую гармонию звуков, для этого нужно иметь очень развитое ухо; на каком же основании станете вы требовать от полуразвитого уха совершенного пониманья высшей гармонии? Ведь это значило бы требовать от яблони апельсина (20, 17–18).

Такого рода аллюзий на произведения Одоевского, парафраз реплик персонажей «Русских ночей» немало в творческом наследии Достоевского, их перечисление не входит в нашу задачу, да и невозможно в пределах одной статьи. Всем им свойственна одна общая черта, все они подчиняются общему правилу: это не буквальное воспроизведение идеи «один к одному», но ее логическое развитие, детализация или уточнение, дополнение новыми чертами или взгляд на нее с иной стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барит К.А. «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевского: неевклидова геометрия и вопрос о преодолении зла // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 134–144.
2. Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
3. Одоевский В.Ф. Сочинения: В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1981.